

Разящая сатира Н. В. Гоголя

— Выражается сильно русский народ! и если наградит кого словцом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку... И как уж потом ни хитри и ни облагораживай свое прозвище... ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица... Нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово! — восклицал Н. В. Гоголь в «Мертвых душах».

И потому, что великий русский писатель сшил свое сердце с сердцем народа, потому, что черпал слова из сокровищницы русского языка — поэтому так остра и разяща его сатира. Своим определением человека он «не высиживал... как наседка цыплят, а вцепливал сразу, как нашпорт на вечную носку», обрисовывал образ одним словом.

Блестяще владея методом критического реализма, Гоголь наносил сокрушающие удары правящим классам николаевской России, обнажал мерзость крепостнической системы, обнажал пошлость, бесчестность дворянско-купеческих отношений. При этом великий писатель-реалист глубоко верил в творческие силы народа, в его будущее. Оружием сатиры он боролся за светлые идеалы, за победу добра над злом.

Гоголь пережил испытание временем. Он дорог всему прогрессивному человечеству и, прежде всего, советскому народу. Слово Гоголя живет, является мощным оружием в борьбе с мракобесием, с порождаемыми эксплуататорским обществом лицемерием, лживостью, хамством, стяжательством, скупостью, пошлостью, угнетением человека.

Вожди народов Владимир Ильич Ленин и Иосиф Виссарионович Сталин не раз использовали гоголевские образы в борьбе с врагами революции. Владимир Ильич Ленин называл самодержавную власть России «парской держимордой». Обличая врагов социалистической революции — меньшевиков и социал-реформаторов, — он заклеил их, как маниловых.

В 1904 году, определяя поведение оппортунистов после II съезда РСДРП, Владимир Ильич Ленин писал: «...будем присматриваться к галлерее гоголевских чипов, открытой нашим руководящим органом, принявшим за правило задавать читателям загадки. Кто похож на прямолинейного Собакевича, наступающего всем на самолюбие, то-бишь на мозоли? Кто похож на увертливого Чичикова, покусавшего вместе с мертвыми душами также и молчанье? Кто на Поздрева и на Хлестакова? на Манилова и на Сквозника-Дмухановского?»

И читатели статьи Владимира Ильича Ленина «Об обстоятельстве ухода из редакции «Искры», опубликованной в брошюре «Комментарий к протоколам II съезда Заграничной лиги русской революционной социал-демократии», беззастенчиво узнавали Мартова, Аксельрода и других им подобных.

Иосиф Виссарионович Сталин также не раз использовал гоголевские образы в своих исторических выступлениях. В речи на VIII съезде Советов «О проекте Конституции Союза ССР» он сравнил буржуазных критиков Основного Закона страны победившего социализма с дворцовой девчонкой Пелагеей, взявшейся показывать дорогу кучеру Чичикову Селифану, но не сумевшей отличить правую сторону от левой. «Если вспомните, — говорил товарищ Сталин, — кучер Селифан считал нужным отчитать Пелагею за смещение правого с левым, сказав ей: «Эх ты, черноногая... не знаешь, где право, где лево». Мне кажется, что следовало бы также отчитать наших незадачливых критиков, сказав им: Эх вы, горе-критики... не знаете, где право, где лево».

11 декабря 1937 года, выступая на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы, говоря о «политических обывателях», Иосиф Виссарионович определял их обликом словами Гоголя: «Люди... неопределенные, ни то, ни се, не поймешь, что за люди, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан».

В нашей стране уже нет героев гоголевской сатиры. Только иные люди еще имеют некоторые из черт, как пережитки капитализма в сознании: ленность,

скудость, эгоизм. Таким образом, острота, действенность и полнота сатиры Гоголя обращены в капиталистические страны. О, там-то герои гоголевской сатиры процветают! Там «свинные рыла»: держиморды и хлестаковы, сквозники-дмухановские и чичиковы, поздrevы и плюшкины, собакевичи и маниловы еще здравствуют, заявляют о себе каждодневно то из Белого дома, то с трибуны сессии Генеральной Ассамблеи, Организации Объединенных Наций, то из зала английского парламента, то со страниц пролажной печати, то с правых скамей французского Национального собрания.

В блестящей повести «Страшная месть» Николай Васильевич Гоголь писал о муках колдуна: «Не мог бы ни один человек в свете рассказать, что было на душе у колдуна... То была не злость, не страх и не лютая досада. Нет такого слова на свете, которым бы можно было его назвать. Его жгло, пекло, ему хотелось бы весь свет вытоптать коном своим, взять всю землю... с людьми, со всем, и затопить ее... в море».

С новой силой звучат в наше время эти строки замечательного русского писателя. Ведь они полностью, без оговорок могут быть отнесены к вдохновителям и организаторам новой мировой войны и, прежде всего, к американско-английским империалистам.

Как гоголевский колдун, чувствующий свою неизбежную гибель, хотел схватить и утопить землю со всем живым, так обреченный историей на смерть империализм жаждет уничтожить человечество; умирающий пытается схватить живого, чтобы увлечь его с собой в могилу.

Зубами колдуна труманы, даллеси и разные другие ачесоны впились в тело свободолубивой Кореи. Длинными когтями, «еще длиннее самих пальцев», заокеанские обладатели мертвых душ тянутся к народно-демократическому Китаю. Американские собакевичи — человеконенавистники генералы Чарльз Лукс и Уильям Кризи доказывают в печати преимущества, эффективность бактериологической войны и знакомят с «различными аспектами» ее.

Чичиковы из Белого дома на самолетах и в морских экспрессах пересекают Атлантический океан, чтобы купить за гроши мертвые души французских политиков и сквозников-дмухановских из черчиллевского твердолобого кабинета. Подобно гоголевскому чорту, трумано-ские подручные, кокетничая с турецкой Солохой, крадут традиционные полумесяцы с минаретов, мелжиса, бижи, символизирующие независимость Порты, и, подружая на них доллар, садятся на шею турецких трулящихся.

Американский держиморда забирает у Дании Гренландию; строя аэродромы, он сносит жилые кварталы в Западной Германии; ставит на площади Виктора Тюго во Францию вместо памятника писателю-гуманисту, автомобиль «Форд»; поздrevы из государственного департамента США кладут ноги на полированный круглый стол конференции стран, подписавших Северо-атлантический пакт; плюшкины с Уолл-стрита, порывшись в своей кладовой, находят среди прочей дряни испорченную свиную тушку, яичный порошок, непипущие вечные ручки, небреющие лезвия к безопасным бритвам и посылают их в голодающие страны Западной Европы вместе с оружием, предназначенным к употреблению против французских и английских докеров и горняков, итальянских и испанских крестьян.

«Полицмейстер, — писал Гоголь в «Мертвых душах», — точно, был чудотворец: ...в ту же минуту кликнул квартального... и, кажется, всего два слова шепнул ему на ухо, да прибавил только: «понимаешь!», а уже там, в другой комнате... появилась на столе белуга, осетры, семга, икра паюсная, икра свежеспросоленная, селедки, севрюжки, сыры, копченые языки и балыки... Полицмейстер был некоторым образом отец и благодетель в городе. Он был среди граждан совершенно, как в родной семье, а в лавки и в гостиный двор наведывался, как в собственную кладовую...»

Да ведь это же сказано о тех, кто вложил в руку статуи Свободы атомную бомбу, кто хитрую вольностей превратил в туалетную бумагу! Послушные

крику заокеанского полицмейстера западноевропейские квартальные: шуманы и шумакеры, аленазеры и груберы, франко и де-гаспери тянут на хозяйский стол уран и нефть, слово и медь, каучук и шерсть. Да мало ли яств, добытых трудом и потом простых людей, жадлет утроба западноевропейского полицмейстера: ведь он и «в лавки и в гостиный двор наведывается, как в собственную кладовую».

Корреспондент газеты «Дейли экспресс» указывает, что лишь для перечисления названий различных американских учреждений и организаций, расположенных в Лондоне, нехватит всех букв алфавита. Кроме того, Соединенные Штаты имеют свои консульства во многих крупнейших промышленных и портовых городах Англии, включая Бирмингем, Бредфорд, Ливерпуль, Манчестер, Ньюкасл, Саутгемптон, Кардифф, Эдинбург, Глазго, Белфаст. Районы расположения колоний Соединенных Штатов в Англии днем и ночью охраняются американскими военными патрулями. Все больше и больше прибывает войск, представителей американских фирм и «туристов» во Францию. Министр иностранных дел Австрии Грубер заявил, что «отказ Австрии от своего суверенитета в пользу более высшей организации» — главное содержание его внешней политики. На деле это означает подчинение австрийской экономики американским интересам.

«Хотя он и должен был... протираться в грязном обществе, но в душе всегда сохранял чистоту, любил, чтобы в канцеляриях были столы из лакированного дерева и все бы было благородно. Никогда он не позволял себе в речи неблагопристойного слова и оскорблялся всегда, если в словах других не видел должного уважения к чину или званию», — так язвительно высмеивал Гоголь ханжество Чичикова — мошенника и спекулянта, грязного стяжателя, средоточия лицемерия и авантюризма, человека, в котором показная приятность сочеталась с алчностью, цинизмом, жестокостью.

Когда читаешь эти гоголевские строки, перед глазами выплывает постное, с поджатыми тонкими губами лицо скопца; умильно смотрят свинные глазки из-за стекол очков; редкие волосы на голове будто смазаны елеем. Да ведь это же Трумэн — одно из самых мерзких порождений американского капитала!

«Благообразие» этого Чичикова испытывают на себе миллионы американских детей, остающихся вне школ, тысячи и тысячи трулящихся, не имеющих работы, жилья и хлеба, вдовы солдат, убитых в Корее, негры, ежеминутно подвергающиеся опасности быть линчеванными. Это он, Трумэн, подобно бурой миргородской свинье Ивана Ивановича, укравшей искомое заявление Ивана Никифоровича, сжевал американскую конституцию. Это вокруг него сгруппировались нео-ляпкины-тяпкины, земляники, хлестаковы, поздrevы: макмагоны и де-голлы, де-гаспери и тито — галлерея уродов-мертвых душ, героев гоголевской сатиры.

Творчество Гоголя имеет мировое значение. Его произведения вошли в золотой фонд прогрессивной литературы. Его сатира принята народами всех стран на вооружение в борьбе за мир и дружбу между трулящимися всех национальностей. И поэтому понятно решение Второй сессии Всемирного Совета Мира провести столетнюю годовщину со дня смерти русского писателя в международном масштабе. Блестящее творчество Гоголя принадлежит демократическому лагерю, который под руководством товарища Сталина борется за мир во всем мире, против темных сил держиморд, чичиковых, сквозников-дмухановских.

И вопли об атомной бомбе, и истерические выкрики о бактериологическом и радиологическом наступлении, и размахивание факелом войны — это не признак силы колдуна, это — признак его слабости. «Этот колдун хочет устрашить людей, чтобы никто не добрался до нечистого гнезда его».

Но сколько бы ни неистовствовали колдуны с Уолл-стрита, сколько бы ни лязгали мертвецы своими костями, как бы ни пытались загребать весь мир и утопить в крови все живое — конец их один: бесчестное поражение.

Евг. БАЕВ.